

К ПРОБЛЕМЕ «МЕТАПОНИМАНИЯ» ПСИХИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ С ПОЗИЦИЙ КУЛЬТУРНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Е.Е. СОКОЛОВА

Соколова Елена Евгеньевна — доцент факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат психологических наук. Автор более 200 работ по проблемам истории, теории и методологии психологии и исторической психологии, в том числе книги «Тринадцать диалогов о психологии» (2008, 6-е изд.), университетского учебника «Введение в психологию» (2008, 3-е изд.), монографии «Алексей Николаевич Леонтьев. Деятельность. Сознание. Личность» (2005, в соавт.).
Контакты: ees-msu@mail.ru

Резюме

В статье с позиций культурно-деятельностной психологии рассматриваются логические основания «метaponимания» психической реальности. Показано, что намеченная Л.С. Выготским программа построения новой «общей психологии» предполагает использование диалектической логики (в отличие от современных проектов «интегративной психологии», строящихся в логике «и — и»). Школа А.Н. Леонтьева, творчески применяя диалектическую логику, пришла к выводу о возможности рассмотрения деятельности как субстанции психики, а психики, соответственно, как «функционального органа» деятельности. Как практическое следствие такого «метaponимания» психической реальности дается возможное диалектическое решение проблемы соотношения двух психотехнических «парадигм» — майевтической и манипулятивной.

Ключевые слова: Л.С. Выготский, школа А.Н. Леонтьева, диалектическая логика, общая психология, деятельность, психика, функциональный орган, формирование, саморазвитие.

Весьма примечательно, что журнал Высшей школы экономики «Психология» инициировал дискуссию по фундаментальным проблемам психологической науки, обсуждение которых может способствовать профессиональному цеховому само-

определению психолога. Особенно привлекли меня сформулированные во вступительном тексте (От редколлегии, 2010, с. 74) два взаимосвязанных вопроса: возможно ли «метaponимание» психической реальности, о котором мечтал Л.С. Выготский, и какова

природа реальности, изучаемой психологией? Сразу дам свой собственный ответ на первый вопрос: да, возможно, если мы согласимся с Л.С. Выготским относительно методологических основ такого понимания, которые требуют обязательной рефлексии до решения каких-либо конкретных вопросов психологической науки. «Ни одна наука, — писал Л.С. Выготский в работе “Исторический смысл психологического кризиса”, — не представляет такого разнообразия и полноты методологических проблем, таких туго затянутых узлов, неразрешимых противоречий, как наша. Поэтому здесь нельзя сделать ни одного шага, не предприняв тысячу предварительных расчетов и предостережений» (Выготский, 1982, с. 418). Отвечать на второй вопрос я повременю до прояснения сути ответа на первый вопрос.

Логические основания «метапонимания» психической реальности по Л.С. Выготскому

Как известно, в указанной выше методологической работе Л.С. Выготский последовательно проводил мысль о необходимости полной перестройки психологии с целью создания общей науки, общей психологии, которая будет «диалектикой психологии» (см.: Выготский, 1982, с. 419, 420). Слово «диалектика» в последние десятилетия в нашей

стране стало по известным причинам чуть ли не ругательным, поскольку многие методологи ассоциируют (и совершенно справедливо) это слово с «нелюбимым» ими марксизмом, тогда как для Л.С. Выготского, который рассматривал создание марксистской психологии как историческую задачу психологической науки, марксистская психология «совпадает с понятием *научной* психологии вообще» (там же, с. 435). Для него «все, что было и есть в психологии истинно научного, входит в марксистскую психологию: это понятие шире, чем понятие школы или даже направления» (там же). Отрицая использование марксизма в «цитатном» ключе, Л.С. Выготский настаивает на использовании в психологии *метода* К. Маркса, поэтому не один раз повторяет в своей полемической работе, что «психологии нужен свой “Капитал”» (там же, с. 420). Высказывания на тему, что-де Л.С. Выготский был вынужден так говорить в определенных исторических условиях, по своей сути весьма наивны.

Метод, примененный К. Марксом в «Капитале», диалектический метод, не был, естественно, изобретением К. Маркса, а являлся следствием развития диалектической мысли начиная с древнегреческой античной диалектики. В Новое время диалектическое понимание действительности развивали любимый автор Л.С. Выготского Б. Спиноза¹ и, конечно,

¹ Имя его, писал ученый, «как маяк, освещающий путь для новых исследований» (Выготский, 1984, с. 297). В недавно опубликованных дневниковых записях звучит еще более поэтичное высказывание Л.С. Выготского о Б. Спинозе и значении его творчества для решения современных проблем: «От великих творений Спинозы, как от далеких звезд, свет доходит через несколько столетий. Только психологическое будущее сумеет реализовать идеи Спинозы» (Выготский, 2006, с. 295).

Г. Гегель, представивший в своих трудах столь сложную диалектическую систему, что не только овладение ею, но и ее понимание вызывает огромные трудности. Так, например, уважаемый мною В.М. Аллахвердов пишет в одной из своих недавних работ, посвященной современной кризисной ситуации в психологии и возможным путям выхода из нее: «Надо, правда, отказаться от восходящего к Г. Гегелю словоблудия, объявляющего существование особой “диалектической логики”, где противоречие считается нормой» (Аллахвердов, 2009, с. 83).

Видимо, требуется небольшой (в силу ограниченного объема статьи) экскурс в область диалектической логики, которой виртуозно владели Л.С. Выготский и А.Н. Леонтьев, тогда как анализ современных работ показывает, что эта логика превратно понимается многими современными авторами, пишущими на тему методологии психологии. Поскольку к тому же диалектика тесно связана с монистическим пониманием реальности (Науменко, 1968), а «монизм» в нашей стране тоже стал ругательным словом, стоит остановиться на современных методологических дискуссиях в литературе, дабы еще раз прояснить методологические основания психологии Л.С. Выготского и теории деятельности А.Н. Леонтьева, к рассмотрению которой я обращусь во второй части данной статьи.

Для начала определимся с понятиями. «Монизм» в философии означает, прежде всего, «рассмотрение многообразных явлений мира в свете одного начала, единой основы всего существующего» (Философия, 2004, с. 523), а «плюрализм» — допу-

щение многих таких начал или основ. Таким образом, речь идет об «онтологическом» монизме, т.е. признании онтологического единства мира при всем многообразии его проявлений. Именно так монист Б. Спиноза рассматривал мир как единую мыслящую и протяженную субстанцию, представленную в многообразии ее различных модусов. Подобная монистическая позиция Б. Спинозы противостояла дуализму Р. Декарта, положенному затем в основу многих «парадигм» психологии.

Современные критики монизма, понимая его, прежде всего, как гносеологический (категориальный) монизм, часто упрекают монистов в сведении всего многообразия описания психического к какой-либо одной-единственной категории (например, деятельности) и поэтому в одностороннем понимании психической реальности. В противовес монистическому «одностороннему» видению предлагается «многосторонность» рассмотрения изучаемой реальности. А.В. Юревич убежден, что такая позиция прямо вытекает из «многогранности самого психического», которое, по его мнению, можно интерпретировать и как деятельность, и как поведение, и как трансформацию образов, и другими способами, и поэтому эта многогранность «сама по себе служит весьма тривиальным аргументом в пользу неизбежности различных способов его видения и, соответственно, подходов к его изучению» (Юревич, 2005, с. 124). Создание единой мета-теории, по его мнению, в принципе невозможно, поэтому «монистический вариант объединения психологии <...> теряет сторонников»

(Юревич, 2007, с. 506). Наиболее адекватными подходами, ведущими к решению исторической задачи создания «интегративной психологии», А.В. Юревич считает «методологический либерализм» и «методологический плюрализм». Последний, как утверждает автор цитируемой работы, «это не только легитимизация раздробленности психологической науки в качестве методологически неизбежной, но и *вариант ее интеграции*, напоминающий отношения в феодальном государстве» (там же).

«Односторонность» взгляда монахов, по мнению М.С. Гусельцевой, объясняется тем, что монахи эгоцентрически противопоставляют свою позицию всем остальным точкам зрения, не выходя за рамки логики мышления дилеммами, или логики «или — или». С ее точки зрения, в основе нового, «плюралистического» взгляда на решаемые психологами проблемы должна лежать логика мышления антиномиями, или логика «и — и»: «Мышление антиномиями оказывается эвристичнее мышления дилеммами. Мышление антиномиями означает умение воспринимать противоположные положения — тезис и антитезис — как части целого» (Гусельцева, 2007, с. 105).

Однако, по нашему мнению, логика «и — и» ведет лишь к суммативному сложению разных точек зрения и подходов, не дающему целостной картины изучаемой психологией реальности. Характерны используемые для описания такой «плюралистической» психологии метафоры мозаики, коллажа, калейдоскопа и пр. Для действительного постижения целостности изучаемой в психологии реальности требуется

иная — диалектическая — логика, лежащая в основе невульгарно понимаемого монизма. Эта логика не сводится ни к логике «или — или» (логике мышления догматика, как говорил Г. Гегель), ни к логике «и — и» (логике мышления скептика). Диалектическая логика — не «словоблудие», допускающее противоречие, а способ разрешения обнаруженного противоречия на основе дальнейшего более глубокого изучения предмета.

Еще в 1958 г. великолепный знаток диалектики Э.В. Ильенков в докладе в Институте философии АН СССР говорил в адрес тогдашних противников гегелевской диалектики, что они, не понимая ее, «предпочитают Гегеля просто хаять» (Ильенков, 1999, с. 253) и поэтому идут от Г. Гегеля не вперед, а назад, к И. Канту: «Именно для Канта противоречие есть синоним бессмыслицы... Именно Кант знает и признает один способ разрешения противоречий — способ разведения противоположных тезисов “в два разных отношения”» (там же). Между тем гегелевский (и далее — марксовый) способ понимания и, соответственно, способ разрешения противоречия — иной. Обнаружив наличие в познаваемой действительности противоречия «в одно и то же время, в одном и том же отношении», исследователь в разрешении данного противоречия идет по пути дальнейшего конкретного исследования объекта, рано или поздно находя тот способ, «которым сам объект в своем развитии разрешает и осуществляет это противоречие» (там же, 1999, с. 254). Именно так, к примеру, в свое время было разрешено К. Марксом следующее

противоречие: как возможно возникновение прибавочной стоимости на основе закона стоимости, если это возникновение противоречит закону стоимости? Противоречие разрешается при дальнейшем анализе товарно-денежной сферы и обнаружении такого товара, **потребление** которого тождественно **производству** новой стоимости, — рабочей силы.

Вот почему Л.С. Выготский все время настаивал на необходимости создания в психологии своего «Капитала», т.е. на применении подобной диалектической логики в решении психологических проблем. Основываясь на этой логике, можно попытаться решить и «сверхзадачу» психологической науки — создать «конкретную психологию человека» (конкретное, по Г. Гегелю, — «единство многообразного»). Предлагаемая же современными плюралистами логика «и — и» (или логика «не только, но и») ведет лишь к сложению (простой суммации) различных «абстрактных» знаний об изучаемом предмете и — в пределе — к отказу от возможности рассматривать психологию как единую науку.

В последние годы в отечественной психологической литературе, действительно, чрезвычайно распространилось мнение, что психология — многопредметная наука, где «каждая теория конституирует свой предмет и метод исследования» (Корнилова, Смирнов, 2006, с. 152), что психология представляет собой конгломерат различных дисциплин, и поэтому психологов, работающих в разных отраслях, не объединяет ничего, кроме гордого имени «психолог» (см.: Петренко, 2005, с. 292). В лучшем случае психологию можно

представить себе многоэтажным зданием с различными стандартами организации знания на разных этажах (Кричевец, 2005). И вообще все психологические теории следует рассматривать лишь как разные «интерпретации психологической реальности» (Юревич, 2003, с. 351), которые не могут быть «более верными» или «менее верными».

Не означает ли это отказ от признания психологии наукой вообще? Именно такую опасность, подстерегающую психологов, видит в вышеуказанной позиции В.М. Аллахвердов, и здесь я с ним полностью согласна. Виктор Михайлович часто задает справедливый вопрос сторонникам «равнозначности интерпретаций»: «Почему, если мы не знаем абсолютную истину, нельзя выбрать лучшую позицию? <...> В науке всегда осуществлялся выбор. Из двух неверных с сегодняшней точки зрения теорий Птолемея и Коперника предпочтение было вполне справедливо отдано противоречащей всякому здравому смыслу [т.е. блистательно ахинейной] теории Коперника... И от теории флогистона отказались в пользу весьма еще несовершенной химической теории Лавуазье. Даже трудно представить, что было бы с физикой и химией, если бы этот выбор не был сделан» (Аллахвердов, 2009, с. 51).

Очень озабоченный состоянием дел в психологии, В.М. Аллахвердов, тем не менее, выражает уверенность в том, что ситуация в психологии скоро изменится, что психология вышла из детского возраста и осталось лишь дождаться рождения «своего Ньютона», который совершит свою обобщающую работу в психологии (см.: Аллахвердов, 2010, с. 88). Я, безусловно,

разделяю убеждение Виктора Михайловича в необходимости идти по «общему пути» и вижу этот путь в создании конкретной психологии, по Л.С. Выготскому, но мне представляется, что одному «психологическому Ньютону» решение такой задачи не под силу. Л.С. Выготский еще в 1920-е гг. писал по этому поводу: «Наша задача вовсе не в том, чтобы *выделить* свою работу из общей психологической работы в прошлом, но в том, чтобы *объединить* свою работу со всей научной разработкой психологии в одно целое на некоей новой основе. Выделить же мы хотим не свою школу из науки, а науку — из ненауки, психологию — из непсихологии. Этой психологии, о которой мы говорим, еще нет; ее предстоит создать — не одной школе. Много поколений психологов потрутся над этим, как говорил Джемс; у психологии *будут* свои гении и свои рядовые исследователи; но то, что возникнет из совместной работы поколений, гениев и простых мастеров науки, будет именно психологией» (Выготский, 1982, с. 436).

Как видим, Л.С. Выготский, несомненный онтологический монист, вовсе не противопоставлял «эгоцентрически» свою позицию всем остальным. При этом Л.С. Выготский собирался создавать новую систему научной психологии не посредством *эклетического* объединения разных точек зрения, а на основе их *фундаментальной переработки* с учетом требований практики. Поэтому ученый считал необходимым критически проанализировать все существовавшие когда-либо в истории психологии концепции с точки зрения их научного содержания. Таким обра-

зом, никакая серьезная методологическая работа в психологии невозможна без глубокого знания ее истории и понимания логики развития психологической науки в целом.

Возникает впечатление, что именно недостаточное знание истории нашей дисциплины в контексте истории развития других наук не позволяет отдельным методологам оценить уже имеющиеся в психологии решения многих проблем на основе диалектической логики. Призыв Л.С. Выготского «создать конкретную психологию человека» получил свое воплощение в психологической теории деятельности школы А.Н. Леонтьева. С этой теорией, кажется, повторяется то, что отмечал Э.В. Ильенков относительно системы Г. Гегеля: не понимая, ее предпочитают просто «хаять» или отбрасывать за ненадобностью в «новых исторических условиях», так и не проанализировав критически основные ее положения. Между тем она сознательно построена на диалектической логике, а не на логике скептика или тем более логике догматика, о необходимости преодоления которых так убедительно говорил Г. Гегель.

Диалектическая логика психологии деятельности школы А.Н. Леонтьева в решении проблемы природы психической реальности

Непонимание психологии деятельности удивительным образом присутствует даже во вступительном слове редколлегии журнала «Психология», открывающем нашу дискуссию. В самом начале данного текста перечислено семь «возможных ответов»

на вопрос о природе психической реальности, которые из-за экономии места я опускаю. Но замечу, что представления школы А.Н. Леонтьева о природе психической реальности не вписываются ни в один из этих ответов, хотя обычно их ассоциировали с первой приведенной позицией: «Психическая реальность существует объективно, и знание о ней должно удовлетворять объективной истине (*теория отражения*)...» (От редколлегии, 2010, с. 74). Ответ на вопрос о природе психической реальности в школе А.Н. Леонтьева гораздо сложнее.

Во-первых, «объективность» понимается в ней в вариантах неклассической и даже постнеклассической рациональности, правда, в соответствии с их критериями, выделенными В.С. Степиным (см., напр.: Степин, 2008), а не некоторыми психологами, очень своеобразно представляющими принципы «постнеклассической» рациональности, не включая в них, в частности, принцип объективности (см., напр.: Гусельцева, 2007).

Во-вторых, «теория отражения» (если понимать под этим термином, что обычно и делается, вульгаризированную «ленинскую теорию отражения»), строго говоря, не входит составной частью в философский фундамент теории деятельности школы А.Н. Леонтьева, которого даже упрекали в свое время в конструктивизме.

Но самое главное, что психологическая теория деятельности строилась на антидихотомической — диалектической — логике, неразрывно связанной с монизмом (в указанном выше онтологическом смысле). С самого начала разработки теории деятельности (в докладе весной 1934 г.)

А.Н. Леонтьев отчетливо заявляет о противостоянии позиции своей школы дуализму: «Великое и подлинно трагическое для психологии заблуждение картезианства состояло именно в том, что реальная конкретно-историческая противоположность внутренних духовных процессов и внешних материальных процессов жизни, — противоположность, порожденная общественным разделением труда, — была абсолютизирована. Создалась грандиозная мистификация сознания. Наша задача состоит в том, чтобы прежде всего разрушить эту мистификацию в психологии» (Леонтьев, 1994, с. 44). В этом отношении он развивает идеи Л.С. Выготского, выражавшего озабоченность по поводу того, «с какой точностью и с каким совпадением даже в деталях восстанавливается в новой исторической обстановке, в новом научном выражении во всей полноте логическая структура картезианского учения о страстях души, в которой спиритуалистический принцип уравнивается механистическим» (Выготский, 1984, с. 314).

Выражением дуализма картезианской схемы являлся для А.Н. Леонтьева, прежде всего, постулат непосредственности, об истории возникновения которого в психологии и попытках его преодоления можно было бы написать целую книгу. Поэтому ограничимся здесь беглыми замечаниями. Как известно, для так называемой классической психологии сознания (которая базировалась на декартовско-локковской системе идей) была характерна дихотомия «внешнего» (предметов и процессов внешнего мира) и «внутреннего» (явлений и процессов сознания).

Они не имели между собой ничего общего (поскольку, согласно Р. Декарту, представляли собой формы существования и проявления двух принципиально разных субстанций) и, тем не менее, были связаны друг с другом странной механической связью: как только происходит воздействие на рецепторные аппараты субъекта, тут же возникает «ответ» на данное раздражение в виде субъективных явлений. Постулат непосредственности был характерен и для бихевиоризма при существенном изменении в нем предмета психологии.

Таким образом, единый мир человека был расчленен на две абстрактные «половинки» — замкнутый в себе («внутренне наблюдаемый») мир субъективных явлений и мир «обездушенных» («внешне наблюдаемых») объективных феноменов поведения и физиологических процессов. По мнению А.Г. Асмолова, именно в таком расчленении единого поля человеческой природы на два противоположных полюса — «субъективизм» и «объективизм» — и коренится исток парадоксов и противопоставлений в психологии (см.: Асмолов, 2007, с. 69), например, абстрактного изучения и даже противопоставления «когнитивных» и «поведенческих» форм «конкретного бытия» человека, противопоставления идиографического и номотетического подходов, биологического и социального, индивидуального и коллективного в психологии человека и пр. Естественно, что после подобного абстрактного деления целого на две принципиально разные «половинки» не остается ничего другого, как ограничиться изучением одной из

них (в логике «или — или») или соединять противоположности (по принципу «и — и»).

Я абсолютно согласна с А.Г. Асмоловым, который квалифицирует подобную систему взглядов как аналог «птолемеевской» системы в космогонии и говорит о «коперниканском» перевороте, который совершила культурно-деятельностная психология. Характеризующая «птолемеевскую» систему двучленная схема анализа была заменена в этой последней иной схемой, где постулат непосредственности, предполагающий дихотомию субъективного и объективного, был устранен путем введения понятия «деятельность».

Вспомним замечание В.М. Аллахвердова о том, что было бы с физикой, если в ней не был бы в свое время сделан выбор в пользу тогда еще весьма несовершенной и «ахинейной» теории Н. Коперника (а не соответствующей «здравому смыслу» птолемеевской теории). Мне представляется, что настало время сделать выбор и в пользу аналога «коперниканского» понимания психологии человека в школе А.Н. Леонтьева и весьма «ахинейного» рассмотрения в ней психики как функции единой субъектно-объектной реальности, т.е. функции деятельности. Наиболее точно сущность психики как особой функции деятельности представлена в высказываниях А.Н. Леонтьева в книге «Деятельность. Сознание. Личность», где одновременно решается и проблема определения предмета психологии: «Деятельность входит в предмет психологии, но не особой своей „частью“ или „элементом“, а своей особой функцией. Это функция

полагания субъекта в предметной действительности и ее преобразования в форму субъективности» (Леонтьев, 2005, с. 73). Или еще более остро: «Деятельность человека и составляет субстанцию его сознания» (там же, с. 121). Это, несомненно, весьма «ахинейное» понимание психики, которое явно не вписывается в вульгаризированное представление о ней как «функции мозга», «субъективного образа объективного мира», «объективно-правильного отражения» и пр. «Субстанцией» сознания (и психики в целом, добавила бы я) является, таким образом, деятельность как субъектно-объектная реальность, поэтому психику и сознание нельзя считать функцией мозга как такового. Нельзя загонять сознание «под черепную крышку», утверждал А.Н. Леонтьев в известной домашней дискуссии 1969 г., поскольку это значит «загнать его в гроб. Там выхода нет, из-под этой черепной крышки. <...>. Сознание... находится столько же под крышкой, сколько и во внешнем мире. Это одухотворенный мир, одухотворенный человеческой деятельностью» (там же, с. 308).

Таким образом, психика — особая функция или даже «функциональный орган» (в понимании А.А. Ухтомского) деятельности, специфика которого заключается в решаемых им задачах: построение образа (модели) мира субъектом на основе различных форм ориентировки в нем и регуляция в соответствии с этим образом деятельности субъекта в его мире. Следовательно, психика с самого начала выносится за пределы реальности, определяемой внутренним (как бы это «внутреннее» ни понима-

лось: как мозг, душа или как замкнутое в себе субъективное), с одной стороны, и внешним (стимулами, средой и пр.), с другой. Психическое, таким образом, не есть нечто объективное и/или нечто субъективное, — это субъектно-объектная реальность, доступная для научного и тем самым объективного (в современном понимании) изучения.

В силу ограниченности объема статьи мы не можем рассмотреть важнейшие следствия такой антидихотомической позиции для решения фундаментальных проблем современной психологии, чаще всего решаемых сейчас в логике «или — или» или в логике «и — и». Обратимся лишь к одной весьма актуальной практической проблеме, заодно ответив противникам теории деятельности, которые обвиняют ее в чрезвычайной непрактичности.

В современной практической психологии возникло довольно четкое противопоставление майевтики манипулированию (см., напр.: Пузырей, 2005). При этом, поскольку манипулирование понимается чрезмерно широко — как любая попытка «что бы то ни было “делать с” человеком, за него, вместо него» (там же, с. 333), сторонники майевтики выступают против психотехники воздействия или даже содействия (см.: там же, с. 320). Эта позиция вполне согласуется с принципом «благоговения перед развитием», представляемым М.С. Гусельцевой как принцип постнеклассической рациональности (см.: Гусельцева, 2007, с. 270). Близкие к вышеуказанной идеи развивает в своих последних работах В.П. Зинченко: «Согласимся с А.Ф. Лосевым, что личность —

это чудо и миф (а не зомби), формировать ее никому не дано... Чтобы чудо случилось, необходимы два плана личности — «внешне-исторический и внутренне-замысленный, как бы план заданности, преднамеренности и цели»... К счастью, оба плана ни социальной алхимии, ни педагогике не подвластны. Встреча планов или их расхождение — это и есть чудо или судьба» (Зинченко, 2008, с. 7)

В деятельностно-ориентированной психологии, исходно строящейся на диалектической логике, подобного противопоставления «саморазвития» и «формирования» никогда не существовало. Еще С.Л. Рубинштейн в своей ранней работе 1922 г. писал о том, что педагогике «в большом стиле» формирование вполне подвластно, поскольку она понимает формирование не как механическое «делание», а как творческую **само**деятельность субъекта (см.: Рубинштейн, 1986, с. 106). Аналогичное понимание формирования как **само**развития имело место и в школе А.Н. Леонтьева: «Внутренние связи, определяющие строение личности, не накладываются механически извне. Они возникают в ходе развития жизни. Можно сказать, что индивид превращается в личность в ходе своего развития, в ходе своей биографии» (Леонтьев, 2005, с. 219). При этом «саморазвитие» не означает здесь стихийно складывающегося и конструктивно не определяемого процесса: «психическое развитие можно исследовать именно (или даже только) в ходе его конструирования. Возрастные особенности становятся не только натуральным феноменом: они задаются системой

отношений ребенок — взрослый, теми “психотехническими действиями”, которые взрослый в образовании осуществляет» (Диалектическое обучение, 2005, с. 68).

Своеобразное доказательство адекватности такого диалектического подхода к развитию (формирование одновременно является саморазвитием) содержится в принципе «совместно-разделенной дозированной деятельности» (Суворов, 1999, с. 179), открытом И.А. Соколянским и А.И. Мещеряковым в работе со слепоглухонемыми детьми. «Руководящее усилие» взрослого, абсолютно необходимое вначале, постепенно ослабляется, действие из совместного становится совместно-разделенным, а потом и полностью самостоятельным действием ребенка. Таким образом, подчеркивает прошедший через эту систему воспитания и обучения А.В. Суворов, «детскую активность тоже нужно формировать, “сама” она не возникает, но формировать активность — это и значит формировать способность к саморазвитию в смысле самосозидания, самотворчества... Из ребенка ничего нельзя “вылепить” именно потому, что ребенок “лепит” себя сам, своими собственными усилиями, пусть и спровоцированными, направляемыми, руководимыми педагогом. Это и есть — саморазвитие. <...> Ребенок — сотрудник взрослого, пусть до поры до времени и невольный» (там же, с. 182–183).

В подобной деятельностно-ориентированной системе обучения мы опять встречаемся с диалектической логикой, когда «противоположности предполагают друг друга, превращаются друг в друга, осуществляются,

реализуются друг через друга. <...> Одно возможно только благодаря другому. Да и не “одно” и “другое”, а в полном соответствии с философией Э.В. Ильенкова, — одно и то же, один и тот же процесс: и провоцирование с руководством, и собственные попытки; и развитие, и саморазвитие; и интериоризация, и экстериоризация; и опредмечивание, воплощение, и распредмечивание; и раскрытие, и самораскрытие, — но не того, что заложено в “генах мамы с папой”, а того, что заложено в совместно-разделенной деятельности» (Суворов, 1999, с. 183–184).

Заключение

Сделаем общий вывод из проведенного нами анализа. «Коперниканский» переворот культурно-деятельностной психологии, которая рассматривает психику как функциональный орган деятельности, т.е. как субъектно-объектную реальность, стал возможен благодаря сознательному следованию диалектической логике. Эта последняя предполагает сложнейшую работу по решению возникших в психологии противоречий и «снятию» дихотомий, которые неизбежно возникают при недиалектическом рассмотрении действительности. Простое «сложение» разных подходов по принципу «и — и»

при признании их «равнозначности» не даст целостной картины функционирования и развития изучаемой психологами реальности и не будет способствовать цеховому определению психологов, консервируя имеющийся в нашей науке плюрализм и распадение психологии на отрасли, направления, подходы. И самое главное — ведет к убеждению, что психология — совершенно особая земля, где не действуют принятые для всех наук законы, где невозможна никакая системная работа, сомнителен прогресс и пр. В таком случае ставится под вопрос само существование психологии как науки — вывод, против которого восстают профессионалы, работающие в области «высокоорганизованной практики», имеющей дело с целостным человеком. Диалектика жизни целостного человека должна быть представлена в соответствующей этой жизни сложнейшей системе научных понятий, создание которой, как во времена Л.С. Выготского, выступает как грандиозная по своему масштабу и значимости историческая задача. Над ее решением потрудится не одно поколение психологов, и новая психология, по мнению Л.С. Выготского, «будет так же мало походить на нынешнюю, как — по словам Спинозы — созвездие Пса походит на собаку, лающее животное» (Выготский, 1982, с. 436).

Литература

Аллахвердов В.М. Где мы? Откуда мы? Куда мы идем? // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2010. Т. 7. № 1. С. 76–89.

Аллахвердов В.М. Размышление о науке психологии с восклицательным знаком. СПб., 2009.

- Асмолов А.Г. Психология личности: Культурно-историческое понимание развития человека. М.: Смысл, 2007.
- Выготский Л.С. Два фрагмента из записных книжек. Психофизическая проблема // Вестник РГГУ. Психология. 2006. № 1. С. 294–298.
- Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 1. С. 291–436.
- Выготский Л.С. Учение об эмоциях: Историко-психологическое исследование // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1984. Т. 6. С. 91–318.
- Гусельцева М.С. Культурная психология: Методология, история, перспективы. М.: Прометей, 2007.
- Диалектическое обучение / Сост. И.Б. Шиян. М.: Эврика, 2005. (Библиотека культурно-образовательных инициатив; Книга 34).
- Зинченко В.П. Общество на пути к «человеку психологическому» // Вопросы психологии. 2008. № 3. С. 3–10.
- Ильенков Э.В. О роли противоречия в познании // Э.В. Ильенков: Личность и творчество / Ред.-сост. И.П. Фарман. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 245–257.
- Корнилова Т.В., Смирнов С.Д. Методологические основы психологии. СПб.: Питер, 2006.
- Кричевец А.Н. Многоэтажная психология. Эскизный проект // Мир психологии. 2005. № 3 (43). С. 218–233.
- Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл, 2005.
- Леонтьев А.Н. Философия психологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994.
- Науменко Л.К. Монизм как принцип диалектической логики. Алма-Ата: Наука, 1968.
- От редколлегии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2010. Т. 7. № 1. С. 74–75.
- Петренко В.Ф. Теория отражения, конструктивизм, интуитивизм как методологические парадигмы психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 3: Метод психологии. Ярославль: МАПН, 2005. С. 291–308.
- Пузырей А.А. Манипулирование и майевтика: две парадигмы психотехники // Пузырей А.А.. Психология. Психотехника. Психагогика. М.: Смысл, 2005. С. 299–333.
- Рубинштейн С.Л. Принцип творческой самодеятельности (1922) // Вопросы психологии. 1986. № 4. С. 101–107.
- Степин В.С. Философия науки: Общие проблемы. М.: Гардарики, 2008.
- Суворов А.В. Экспериментальная философия (Э.В. Ильенков и А.И. Мещеряков) // Э.В. Ильенков: Личность и творчество / Ред.-сост. И.П. Фарман. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 172–196.
- Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004.
- Юревич А.В. «Методологический либерализм» и парадигмальный статус психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 1: Методология психологии. Ярославль: МАПН, 2003. С. 349–357.
- Юревич А.В. Интеграция психологии: утопия или реальность? // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 503–523.
- Юревич А.В. Интерпретативные традиции и параметры развития психологической науки // Вопросы психологии. 2005. № 5. С. 119–130.